

УКРАИНСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
КИЕВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Н.Н. Голубковский

Православие по его существу

Сканирование и создание электронного варианта:
Библиотека Киевской Духовной Академии
(www.lib.kdais.kiev.ua)

Киев
2012

Подготовлено для онлайн библиотеки Киевской Духовной Академии и Семинарии
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

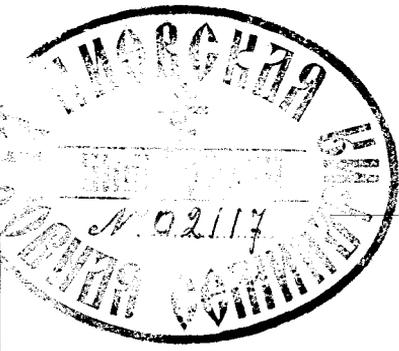
Handwritten signature and date: 1913

Н. Н. Глубоковскій,

ординарный профессор Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи.

Православіе по его существу.

Священной памяти Высокопреосвященнаго Антонія (Вадковскаго), митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго. Первенствующаго Члена Святы́йшаго Правительствующаго Всероссийскаго Синода, † 1912, XI, 2 (пятница).

Handwritten notes: X/17 8 3200, J-55, 16.163

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Меркушева, Невскій, № 8.

1914.

Публицистическому комитету
Николая Николаевича
Политингу
Н.Б. Милославина.
Спб. 140, 44, 22 -
Владимир.

Извлечено изъ журнала «Христіанское Чтеніе», 1914 г., № 1.

Православіе по его существу *).

ВОПРОСЪ о томъ, что такое «православіе» по своему существу, не имѣетъ догматически утвержденного отвѣта и по своей всеобъемлемости допускаетъ многообразныя освѣщенія, а относительно инославнаго Запада, кажется, не рискуя не деликатностію, можно утверждать, что тамъ наименѣе знаютъ его, если оно и считается древнѣйшимъ христіанскимъ исповѣданіемъ. Посему умѣстно для православнаго богослова, какъ частнаго лица, разъясненіе даннаго предмета по существенному содержанію и для устраненія предубѣжденій, которыхъ слишкомъ достаточно въ этой области повсюду, особенно же на Западѣ. О богослуженіи, гдѣ проявляется жизнь вѣрующихъ по общенію во Христѣ Иисусѣ, либеральный протестантизмъ устами известнаго профессора Адольфа Гарнака (въ «Das Wesen des Christentums») высказалъ, что тутъ происходитъ лишь простое бормотаніе (murmeln) стереотипныхъ возгласовъ и молитвъ. Другіе видятъ въ православіи своеобразный католическій ритуализмъ, между тѣмъ католики упорно подозрѣваютъ, что православные совсѣмъ не почитаютъ Богоматери даже наряду со святыми. Православная доктрина сводится къ неподвижному сохраненію разныхъ традиціонныхъ догматическихъ фор-

*) Трактатъ этотъ писанъ специально для американскаго журнала „The Constructive Quarterly“, edited by Silas McVee, и помещенъ тамъ (Vol. 1, No. 2: June 1913, p. 282—305) въ англійскомъ переводѣ маг. бог., профессора Королевской Коллегии въ Лондонѣ Николая Васильевича Орлова, а здѣсь печатается лишь съ незначительнымъ измѣненіемъ въ началѣ и съ добавленіемъ одного примѣчанія.— Спб. 1913, XII, 1—воскресенье.

муль, символів і вброопредѣленій, не получившихъ раціонального раскрытія і імѣючихъ развѣ подражательную схоластическую обработку, а на практикѣ яко бы господствуетъ суевѣріе чуть не во всѣхъ слояхъ. Частныя учрежденія не менѣ перетолковываются,—и мы доселѣ слышимъ (отъ Rev. T. A. Lasey, Marriage in Church and State, London 1912), будто покатолически бракъ въ православіи нерасторжимъ и разводъ допускается только по диспенсаціи, такъ что новый брачный союзъ разведенныхъ фактически бывасть собственно двоебрачіемъ. Церковное устройство рисуется либо папистическимъ іерократизмомъ (въ греческой Константинопольской церкви), либо явнымъ цезаризмомъ съ деспотіей свѣтской власти (черезъ Оберъ-Прокурора Св. Синода въ Россіи). Успленію подобныхъ недоразумѣній и извращеній въ послѣднее время много способствовала религіозная пропаганда графа Л. Толстого. О немъ на Западѣ склонны думать, что—положительно или отрицательно—это былъ продуктъ русскаго православія, о которомъ и судять соответственнымъ образомъ. При этомъ ему усвоили все худшее въ толстовствѣ, подчеркивая для лучшихъ его сторонъ, что православіе, какъ таковое, само отвергло ихъ, отлучивъ отъ Церкви графа Толстого. Фактически все здѣсь невѣрно,—и православные справедливо могутъ примѣнить къ Толстому слова св. Іоанна Богослова (1 посланіе II, 19) въ такой варіаціи, что онъ «не отъ насъ вышелъ и не былъ нашъ», ибо не зналъ православія въ исторіи и дѣйствительности и не пережилъ его внутреннимъ проникновеніемъ и сердечнымъ подчиненіемъ, а свои религіозныя исканія питалъ грубо-популярнымъ критическимъ либерализмомъ и обосновывалъ на началахъ автономическаго раціонализма. Всѣ стихіи у Толстого чужды православію и нимало не отражаютъ его. Однако въ аспектѣ толстовства и привыкли на Западѣ смотрѣть на православіе, относясь къ нему съ подозрѣніемъ или пренебреженіемъ, иногда же и съ прямымъ осужденіемъ, какъ царству религіознаго мрака и нетерпимой тиранніи.

I.

Описанное положеніе усугубляется тѣмъ, что по многимъ причинамъ оказывается для Запада крайне затруднительнымъ непосредственное изученіе православія, къ чему ничуть не привлекаетъ и плохая его репутація. Для ориентировки обыкновенно ищутъ—по западному масштабу—«православныхъ символическихъ книгъ», но съ этой точки зрѣнія православныя догматическія памятники слишкомъ растяжимы по своей догматической общности и не даютъ точныхъ опредѣленій самой природы православія.

Послѣднее не имѣетъ выработанныхъ и санкціонированныхъ формулъ, выражающихъ его отличительную сущность въ себѣ самомъ и по сравненію съ другими христіанскими исповѣданіями. Поэтому принимаются и утилизируются для характеристики православія разныя ходячія сентенціи, употребляемыя и иногда защищаемыя также и самими православными. На дѣлѣ этимъ вносятся новыя недоразумѣнія, гдѣ внутреннее подавляется внѣшнимъ и искажается отъ подобнаго насилия.

Таково наиболѣе распространенное убѣжденіе, что православіе есть извѣстная націоналистическая форма христіанства, которое получаетъ въ немъ и національное ограниченіе и націоналистическую исключительность, когда, замыкаясь въ рамки своей національности, усвоетъ ей особыя права преимущественнаго обладанія и необходимаго посредничества въ полученіи и раздаяніи христіанскихъ благъ. Оporою для этого пониманія служатъ общепринятые—даже у православныхъ—названія «Греко-Восточное православіе», или «Восточная Греко-Россійская Церковь». Здѣсь эпитеты отмѣчаютъ отличительныя свойства предмета, и о немъ пріобрѣтается такое сужденіе, что православіе представляетъ нѣчто «греко-восточное» или «восточно греко-россійское». А безспорно, что въ этой ком-

бинации націоналістическій моментъ оказывается если не единственнымъ, то доминирующимъ.

И нельзя отрицать, что для даннаго воззрѣнія отыскиваются историческія оправданія и фактическія подкрѣпленія. Греческая Византійско-Константинопольская церковь имѣетъ величайшія заслуги, что преемственно сохранила православіе во всей типичности и спасла его отъ уничтоженія и поглощенія. Ей мы обязаны, что среди тяжелыхъ и страшныхъ историческихъ превратностей православіе не погибло подъ гнетомъ мусульманства и не поддалось напору инославной пропаганды—особенно со стороны католичества, издавна и усиленно стремящагося къ полному владычеству на Востоку. Греческій націонализмъ исторически слился съ православіемъ и ограждалъ его самымъ своимъ самосохраненіемъ, въ свою очередь находя въ немъ духовный базисъ для своей самобытности. Православіе и эллинизмъ объединились въ тѣсной взаимности, почему первое стало квалифицироваться вторымъ. И христіанскій эллинизмъ осуществлялъ и развивалъ этотъ союзъ именно въ націоналістическомъ духѣ. Религіозный моментъ являлся факторомъ національныхъ стремленій, соподчинялся имъ и вовсе не у однихъ фанаріотовъ обращался на служеніе панэллинистическихъ мечтаній. Послѣднія глубоко вплетались въ религіозно-православную стихію и сообщали ей свой колоритъ, надѣлявъ достоинствомъ и правами «этнарха» для всѣхъ христіанскихъ народовъ Востока именно Византійскаго патріарха, который почитался живымъ и одушевленнымъ образомъ Христа (Матвей Властарь XIV вѣка въ «Синтагмѣ» = 8). Въ результатъ получалось, что все духовно-христіанское превосходство принадлежитъ эллинизму и можетъ другими лишь вторично восприниматься отъ него. Для православія это значило, что оно всецѣло содержится въ эллинизмѣ и имъ распредѣляется подъ его господствомъ и контролемъ. Въ этомъ отношеніи просвѣщенный Григорій Византійскій (Βυζαντινός или Византійскій, по мѣсту рожденія въ Константинополѣ, съ 1860 г. митрополитъ Хіосскій, † Ираклійскій въ 1888 г.) категорически свидѣтельствовалъ, что «миссія эллинизма—божественная и всемірная». Отсюда исконныя и непрекращающіяся притязанія на исключительное верховенство въ православіи собственно эллинизма, какъ его обладателя и раздаятеля. По словамъ перваго отвѣта (отъ мая 1876 г.) Тюбингенскимъ богословамъ Константинопольскаго патріарха Іеремія II († 1895 г.), говорив-

шаго въ качествѣ «преемника (διάδοχος) Христа» (введеніе),— греческая «святая церковь Божія есть мать церквей, и, по благодати Божіей, первенствуетъ въ знаніи, неукоризненно хвалится чистотою апостольскихъ и отеческихъ постановленій, и, будучи новѣ, стара по православію и поставлена во главу», почему «и всякая христіанская церковь должна священнодѣйствовать литургію такъ же, какъ и она», церковь Греческо-Константинопольская (глава 13 sub fin.). Въ Константинополѣ всегда обнаруживали тенденціи къ церковному абсолютизму въ православіи и вовсе не благоволили развитію національно-автономныхъ церквей, не легко признавая ихъ даже при іерархическомъ равенствѣ. Въ восточныхъ патріархатахъ Византійско-Константинопольскій эллинизмъ нисколько не способствуетъ національно-христіанской самобытности и всячески отстаиваетъ свою правительственно-іерархическую гегемонію, борясь противъ національной независимости Дамаска (Антиохіи) и Іерусалима. Въ Константинополѣ далеко не съ полною охотою согласились (въ концѣ XVI в.) на самостоятельность Русской церкви и не совсѣмъ помирились съ автокефаліей Элладской (съ половины XIX в.), а по отношенію къ Болгарской церкви простерли націоналістическую нетерпимость до церковнаго разрыва, объявивъ ее (въ 1872 г.)—во всемъ объемѣ—«подъ схизмою». Достоинно великаго удивленія, что поборники крайняго націонализма въ церковной сферѣ тогда же (въ 1872 г.) признали у другихъ недозволительными національно-церковныя стремленія и даже провозгласили ихъ новоизмышленною ересью подъ именемъ «филетизма»!...

Въ обрисованномъ самыми общими штрихами видѣ націонализмъ эллинскій почти прямо покрываетъ православіе, при чемъ послѣднее и будетъ какъ бы націоналістическимъ исповѣданіемъ. Православіе представляется націоналістическимъ въ качествѣ исповѣданія восточнаго или—частіе—греко-россійскаго. Но описанное явленіе есть чисто историческое и обусловленное:— оно не исчерпываетъ православія, а только приспособляетъ его къ извѣстнымъ національно-историческимъ формамъ. Этимъ свидѣтельствуется, что по существу своему православіе выше всякихъ внѣшнихъ комбинацій, хотя не уничтожаетъ ихъ насильственно, но одухотворяетъ и преобразуетъ внутренно. Это всегда и громко провозглашалъ даже самъ византійско-церковный эллинизмъ, потому что свое церковное владычество принципиально оправдывалъ обязательною

попечительностію о добромъ устроєніи и нормальномъ развитіи помѣстныхъ національныхъ церквей. Константинопольская патріархія, глава которой со временъ Іоанна IV Постника (582—595 гг.) носитъ титулъ «вселенскаго» (*oikoumenikos*), въ пользу своего верховенства ссылается прямо лишь на свою материнскую заботливость о младшихъ сестрахъ и юныхъ дщеряхъ, не выдвигая напередъ своихъ націоналистическихъ прерогативъ, хотя бы послѣднія фактически и господствовали по преимуществу или всецѣло. Православіе проникаетъ и вдохновляетъ христіанскій эллинизмъ, но вовсе не принадлежитъ ему на началахъ собственности съ исключительными правами. Поэтому и другіе православные народы не видѣли тамъ неразрѣшимаго союза, гдѣ обѣ стороны неразрывны и страдаютъ совмѣстно въ одинаковой степени. Такъ, по случаю исправленія славянскихъ богослужебныхъ книгъ по греческимъ образцамъ, старые церковные русскіе люди, образовавшіе потомъ «расколъ», не стѣснялись (въ XVIII вѣкѣ) твердить, что у грековъ православіе «понсхаталось» и стало «нестрымъ», но много послѣ (въ 40-хъ годахъ XIX в.) именно у нихъ искали себѣ архипастыря для образованія своей «Бѣлокриницкой іерархіи».

Выводъ теперь ясенъ, что по своей природѣ православіе не покрывается націонализмомъ и не срастается съ нимъ. Оно превышаетъ націоналистическія обособленія и, водворяясь среди нихъ, бываетъ примиряющею стихіей. Въ этомъ направленіи развивается новое воззрѣніе, которое тѣмъ замѣчательнѣе, что въ немъ конецъ далеко ушелъ отъ своего начала. Идейними творцами и лучшими выразителями этого міросозерцанія въ православной Россіи были такъ называемые «славянофилы». Горячіе, искренніе и просвѣщенные поборники всецѣлой русской самобытности,—они въ настоящемъ случаѣ отпразднаны отъ доктринъ Гегеліанской философіи о господствѣ антиномическаго раздвоенія, объединяемаго въ третьемъ принципѣ. И если этотъ законъ дѣйствуетъ во всемирной исторіи вообще, то его вліяніе обязательно и въ сферѣ религіозно-христіанской. Съ этой точки зрѣнія освѣщается далѣе и все положеніе христіанства. Нѣчто основное, покоряя народы, постепенно дифференцируется націоналистически, пока на Западѣ не слагается окончательно въ двѣ грандіозныя христіанскія группы—католичества и протестантства. Тутъ два взаимно отрицающіе и противодѣйствующіе полюса, въ которыхъ цѣ-

лостное христіанство преломляется въ націоналистическихъ формахъ и раздвояется соответственно типическому развитію ихъ. Этотъ раздоръ противоборства вызывается не самымъ единымъ предметомъ, а узко-националистическимъ его воспріятіемъ и потому не можетъ оставаться непримиреннымъ, такъ какъ иначе пришлось бы признать двойственность въ самомъ основоположительномъ факторѣ, чего абсолютно не допускается уже по всесовершенной божественности христіанства. Для антиноміи католичества и протестантства—объединяющимъ и поглощающимъ ихъ объявляется именно православіе. Въ этомъ своемъ достоинствѣ оно должно бы мыслиться безнаціональнымъ или сверхнациональнымъ. Такъ это и есть по идеѣ. Однако тогда православіе будетъ чистою отвлеченностію, между тѣмъ въ исторіи создаютъ и движутъ лишь конкретныя силы. Поэтому и православіе можетъ быть историческимъ факторомъ только въ опредѣленномъ конкретномъ воплощеніи, по такому всегда, вездѣ и непремѣнно бывающему національнымъ, осуществляющемуся въ извѣстномъ народѣ, который служитъ носителемъ его духа и распространителемъ его дѣйствія. Нація оказывается вмѣстительницею православія по всему содержанию. Въ «Окружномъ посланіи единой, святой, соборной (каолической) и апостольской Церкви ко всемъ православнымъ христіанамъ», изданномъ при Константинопольскомъ патріархѣ Аноимѣ VI-мъ въ маѣ 1848 г. (въ отвѣтъ на энциклику папы Пія IX отъ 6 января 1848 г. съ обращеніемъ къ восточнымъ христіанамъ) и принятомъ въ Россіи, прямо говорится (въ §-фѣ 17) отъ имени православія, что «хранитель благочестія (*ὑπερασπιστὴς τῆς θρησκείας*) у насъ есть тѣло Церкви, т. е. самый народъ». Но послѣдній для выполненія подобной миссіи долженъ быть не механическимъ конгломератомъ, готовымъ распасться, а цѣлостнымъ комплексомъ съ заправляющимъ центромъ и объединяющимъ главою. Православіе входитъ здѣсь въ союзъ съ національнымъ царствомъ и утверждается на немъ. Отсюда старинная русская формула, что первый Римъ измѣнили, второй или новый (Константинополь) палъ, но имъ наследовала третья—Москва, четвертому же не бывать. Царство немислимо безъ царя, который ограждаетъ и символизируетъ его по всемъ сторонамъ, включая, конечно, и православіе. Такъ было въ Византіи, гдѣ императоры фактически являлись насадителями и стражами правовѣрія, а принципиально усвоили божественное происхожденіе и церковно-

иерархическое достоинство самой своей власти. То же истинно и для России. Здесь — по «Духовному Регламенту», нормирующему церковное устройство от Петра В. с 20-х годов XVIII столетия, и по Основным законам (статья 42) — «Император, яко Христианский Государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей вѣры, и блюститель правовѣрія и всякаго въ Церкви святой благочинія». При Павле I (1796—1801 г.г.) даже обнаруживались некоторые притязания на церковное главенство для Императора. Единение тут самое тѣсное, ибо выковано исторической жизнью и спаялось въ ней до монолитности: — Церковь православная исторически создала православнаго царя въ Россіи и обезпечила ему единовластительство, а царь патронировалъ и оберегалъ ее, доставляя внутреннее господство и вѣншее величіе. Православіе сливалось съ народомъ въ самодержавномъ Помазанникѣ. Такъ въ результатъ всего процесса на почвѣ славянофильскихъ идеалистическихъ концепцій вырасталъ и на практикѣ сложился болѣе конкретный тезисъ, исповѣдуемый многими доселѣ. Это — знаменитая триада: «Православіе. Самодержавіе и Народность».

Въ этой формулѣ доминирующимъ являются религиозный моментъ, который проникаетъ оба другіе, ибо религиозно санкционируетъ и дѣлаетъ неприкосновенною свѣтскую власть, сообщая на нѣи вселенское предназначеніе въ ея православно-христианской миссіи по всей землѣ. Тѣмъ не менѣе православіе по самому своему вліянію фактически посредствуется національностью и вспомоществуется свѣтскимъ властительствомъ. Конечно, это фактически примѣнимо къ православію въ его историческомъ положеніи, какъ вѣрно для католичества и протестантства, если первое носитъ ясный отпечатокъ латинства въ романской своей природѣ и физиономіи, а о второмъ свидѣлствуется (у \dagger Eduard von Hartmann), что оно въ «германствѣ» (Germanentum) даже превосходитъ само христианство. Но столь интимныя сближенія всегда грозятъ отождествленіемъ. Неотразимый примѣръ сему у всѣхъ предъ глазами въ позднѣйшемъ іудействѣ, гдѣ націонализмъ до того возобладалъ въ самой религіи, что здѣсь сначала надо (кровно) приобщиться къ народу іудейскому (чрезъ обрѣзаніе), чтобы потомъ соучаствовать въ его вѣрѣ и обѣтованіяхъ. Нѣчто подобное неотрицаемо и для вышеуказанной триады, хотя никогда не выражалось исторически во всемъ масштабѣ и съ совершенною типич-

ческой отчетливостію. Въ ней народность не уравнивается безъ остатка съ православіемъ, но все-же служитъ опорой и вмѣстительницей послѣдняго, почему оно дѣйствуетъ и воспринимается подъ формами ея. Здѣсь очевидно націоналистическое ограниченіе, которое тѣмъ рѣзче и тѣснѣе, что православіе по преимуществу связывается съ однимъ типомъ государственнаго устройства, — и въ данномъ направленіи еще недавно дѣлались въ Россіи авторитетныя, научно-иерархическія попытки догматическаго оправданія на основаніи истины Пресвятой Троицы, хотя другіе базировались на этомъ въ пользу ограниченной монархіи и даже народовластія. Во всякомъ случаѣ разсматриваемыя доктрины или разрѣшались теоретической отвлеченностію, или впадали въ узкую націонализацию. Первое отличалось совершенною расплывчивостію и не представляло самаго нужнаго, ибо лишь говорило о православіи, но не показывало и не опредѣляло его въ качествѣ конкретной жизненной силы. Второе грѣшило обратнымъ, что выдвигало только извѣстное фактическое обнаруженіе и заслоняло или искажало натуральную сущность, втискивая ее въ національныя рамки. Ни тамъ, ни тутъ не достигалось главнѣйшаго, чтобы выяснить въ православіи его внутреннюю, эссенціальную природу, которая проявляется «многочастно и многообразно», никогда не измѣняясь въ своей глубинѣ и не исчерпываясь въ своей полнотѣ. Въ замѣнъ сего предлагалось собственно простое описаніе историческихъ картинъ пониманія или примѣненія православія, но совсѣмъ не оказывалось опредѣленія его, какъ таковаго.

Сюда относится и третья формула. Она наиболѣе поверхностна, однако требуетъ упоминанія по ея популярности и распространенности, хотя послѣднія приобрѣтаются собственно примитивностію ея. Разумѣемъ ходячую сентенцію, что православіе есть золотая середина или царскій путь между католичествомъ и протестантствомъ. Нѣтъ нужды аргументировать, что этотъ тезисъ не годится даже съ чистоты вѣншей стороны, ибо по сравненію съ примиряемыми крайностями необходимо долженъ быть позднѣйшимъ самъ посредствующій для нихъ моментъ, между тѣмъ онъ почитается и обязательно мыслится раннѣйшимъ и независимымъ, а здѣсь и возникаетъ единственно важный вопросъ: что же такое было православіе тогда — безъ соотношенія съ этими несуществовавшими противоположностями? Если въ данной формулѣ предлагается наглядно-сравни-

тельная характеристика православія, то она ведетъ къ обезличенію его и, пожалуй, къ уничтоженію. Попробуемъ отнять у католичества все, что отрицаетъ въ немъ протестанство, произведя у этого всѣ католическія вычитанія,—и въ итогѣ у насъ почти ничего не останется на долю православія. Выйдетъ, что послѣднее потому и не раздѣляетъ этихъ конфессіональныхъ крайностей, что не имѣетъ собственного содержания, обращаясь въ безпредметную фикцію. Но идейно и фактически православіе претендуетъ на автономную независимость,—и потому въ немъ непременно должна быть доктринальная самобытность, обеспечивающая ему стличительную самостоятельность.

II.

По предшествующему обзору очевидно, что православіе въ равной мѣрѣ превышаетъ и рамки всякаго историческаго націонализма и особенности всѣхъ конфессіональныхъ разновидностей. По этимъ свойствамъ кажется, что, находясь внѣ историческаго движенія реальной жизни и конкретной мысли, православіе будетъ какою-то крайнею отвлеченностію, близкою къ эфемерности. Но фактически оно всегда заявляетъ и выступаетъ живою стихіей въ христіанскомъ историческомъ процессѣ, гдѣ всегда дѣйствуетъ созидающимъ образомъ, не исчерпываясь конкретными формами національнаго воплощенія и конфессіональнаго опознанія. Это совсѣмъ не идеальная, а всецѣло реальная сила, которая функционируетъ съ самаго возникновенія христіанскаго развитія, держитъ его собою и служитъ животворнымъ регуляторомъ послѣдовательнаго процесса. Никакая иная точка зрѣнія непримѣнима кромѣ той, что православіе чувствуетъ себя и представляется живымъ и жизненнымъ началомъ со строгою индивидуальностію. Теперь и надо найти характеристическія черты этой послѣдней. Но въ общемъ описаніи содержатся всѣ данныя для частныхъ опредѣленій.

Прежде всего, православіе безусловно независимо отъ всѣхъ исторически-національныхъ осуществленій, а—наоборотъ—эти питаются и живутъ имъ, нимало его не истощая и только предуготовляя основу для лучшихъ и болѣе широкихъ примѣненій. Православіе съ этой стороны есть неисчерпаемая христіанская энергія, идущая изъ первоначала съ непрерывностію и никогда не измѣнявшая себѣ и не ослабѣвавшая. Ясно, что по этимъ своимъ качествамъ оно сливается съ самимъ христіанствомъ, какъ благодатно-божественнымъ жизненнымъ факторомъ. Но въ мировой исторіи христіанское теченіе постепенно раздѣлялось на множество ручейковъ, иногда настолько отдалявшихся взаимно, что они совершенно забывали

о своемъ общемъ источникѣ. Всѣмъ этимъ обособленіямъ православіе противопоставляетъ себя въ достоинствѣ центральнаго единства, цѣлостнаго въ своемъ существѣ и непреложнаго при всѣхъ историческихъ перипетіяхъ.

Этотъ контрастъ съ христіанскими исповѣданіями рѣшительно утверждаетъ, что въ нихъ имѣются лишь частныя отраженія христіанства, между тѣмъ православіе усваиваетъ себѣ всю его полноту по бытію и по содержанию. Однако и въ первомъ случаѣ частичное воспріятіе почитается историческимъ воплощеніемъ цѣлаго и фактически реализуетъ его. Естественно, что тутъ цѣлое принижается до частнаго и оцѣнивается по этой узкой мѣркѣ, совсѣмъ ему не тождественной. Цѣлое не захватывается во всю широту, но постигается въ частичной ограниченности и по тому самому рисуется несоотвѣтственно своему натуральному величію, или неправильно въ объективномъ отношеніи. Предметъ открывается только въ части своей и, поглощаясь въ ней, обнаруживается односторонне и невѣрно. Это есть пониманіе «не—правое» по его частичности, которая необходимо бываетъ ограниченіемъ и даже искаженіемъ цѣлаго, когда старается замѣнять его, являясь въ извѣстный историческій моментъ единственнымъ фактическимъ представителемъ всей христіанской цѣлокупности. Наоборотъ, православіе хочетъ быть полнымъ откровеніемъ христіанства, чтобы послѣднее выражалось въ немъ адекватно и—значить—правильно. Въ этомъ смыслѣ православіе есть «правое» исповѣданіе—*ὀρθο—δόξα*—потому, что воспроизводитъ въ себѣ весь разумѣемый объектъ, само видитъ и другимъ показываетъ его въ «правильномъ мѣрѣ» по всему предметному богатству и со всѣми особенностями. Православіе удовлетворяетъ своей «правой» нормѣ именно тѣмъ, что совпадаетъ по всему объему со своимъ предметомъ, какъ онъ данъ фактически и существуетъ независимо. Но таковымъ является подлинное и первоначальное христіанство Господа Спасителя и Его Апостоловъ,—и православіе по преемству сохраняетъ и вмѣщаетъ его, при-мѣняя и раскрывая среди разныхъ историческихъ условій.

Такъ получаемъ, что по своему внутреннему упованію православіе мыслитъ себя христіанствомъ въ его изначальной полнотѣ и неповрежденной цѣлостности. Оно принципиально разграничивается отъ другихъ христіанскихъ исповѣданій не какъ истина отъ заблужденій, а собственно въ качествѣ цѣлаго по сравненію съ частями. Послѣднія уже выдѣляются изъ него и

для оправданія и обезпеченія своей автономіи вынуждаются настаивать на прямомъ обособленіи съ рѣзкимъ отгѣненіемъ своихъ отличительныхъ свойствъ и такой несродности, которая исключаетъ смѣшеніе и передачу. По самой своей цѣлостности православіе не чувствуетъ къ сему внутренней надобности, ибо носить въ себѣ всѣ части и не имѣть ни нужды, ни желанія дифференцироваться отъ нихъ. Въ томъ и специальная его природа, что православіе все въ себѣ содержитъ и вмѣдряется до тѣснаго гармоническаго единства всѣхъ органовъ церковнаго тѣла. Тогда для него бываетъ нормальной лишь функція внутренняго сплоченія всѣхъ частей съ господствомъ претворяющей центростремительности и съ подавленіемъ всякихъ уклоненій и отпаденій. Тутъ нѣтъ объективной расчлененности, а потому не находится ея и субъективно, или въ самомъ вѣроисповѣдномъ самоопредѣленіи. Съ этой точки зрѣнія въ православіи натуральны собственно вѣроизложенія общаго характера съ откровеніемъ своего подлиннаго апостольскаго содержанія, но ничуть не съ раздробленіемъ въ немъ разныхъ элементовъ. Вѣдь цѣлому никогда и нигдѣ не могутъ противостоять и претивоставляться извѣстныя части,—и подобная адверсативность мыслима только среди нихъ самихъ, или со стороны ихъ по отношенію къ цѣлому. Онѣ расходятся между собою именно по своей частичности и для оправданія самаго выдѣленія изъ цѣлаго типически обособляются отъ него. Въ контрастъ сему цѣлое не имѣетъ ни малѣйшей причины и внутренней потребности нарочито различать себя отъ частей—по самой непосредственной очевидности этого факта для всѣхъ зрячихъ. Цѣлое искони было прежде частей и всегда остается больше ихъ, для чего не нужно никакихъ доказательствъ, которыхъ—естественно—и не дается по собственной инициативѣ ради своего самоопредѣленія.

Въ данномъ свойствѣ заключается источникъ своеобразнаго явленія, недостаточно понятаго и оцѣненнаго въ западномъ инославіи. Послѣднее ищетъ точныхъ «символическихъ книгъ» у православія и даже старается помочь ему собраніемъ и изданіемъ таковыхъ. Но въ этомъ кроется большое недоразумѣніе, которое практически переходитъ уже въ заблужденіе. На самомъ дѣлѣ православіе не имѣетъ «символическихъ книгъ» въ техническомъ смыслѣ, и всякія рѣчи этого рода ведутся лишь крайне условно и приспособительно къ конфессіональнымъ западнымъ схемамъ вопреки природѣ и

історії православ'я. Оно почитаєть себя правымъ или подлиннымъ ученіємъ Христовымъ во всей первоначальности и неповрежденности, а тогда—какая же можетъ быть у него особая отличительная доктрина кромѣ Евангельско-Христовой?! И сама Церковь православная доселѣ не употребляетъ спеціальныхъ «символическихъ книгъ», довольствуясь общими традиціонными документами вѣроопредительнаго характера. Это мы видимъ при архіерейскомъ посвященіи, гдѣ хиротонисуемый во свидѣтельство своего правовѣрія прочитываетъ только древнѣйшіе символы. Но еще рѣшительнѣе и рельефнѣе эта черта обнаруживается въ «чинѣ православ'я», понинѣ совершаемомъ на литургіи въ кафедральныхъ соборахъ въ «недѣлю православ'я» (ἡ ἑορτή τῆς Ὁρθοδοξίας), т. е. въ первое воскресеніе великаго поста, въ память «торжества православ'я» (19 февраля 842 г.) при императрицѣ Византійской Θεодорѣ (842—845 гг.). При этомъ священнослуженіи лишь отвергаются и осуждаются ложныя еретическія мнѣнія— съ молитвою объ обращеніи и спасеніи заблуждающихся грѣшниковъ, а исповѣданіемъ вѣры православной бываетъ древнецерковное вѣроизложеніе. «Послѣдованіе спасительному откровенію» Божію выражается здѣсь общепринятымъ «Никоо-Цареградскимъ» символомъ, и именно по отношенію къ нему громкогласно возглашается: «сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая, сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди». Далѣе прибавляется: «Еще же соборы святыхъ Отець, и ихъ преданія и писанія Божественному откровенію согласная приемлемъ и утверждаемъ... Якоже убо плѣняющихъ разумъ свой въ послушаніе Божественному откровенію и подвизающихся за оное ублажаемъ и восхваляемъ: тако противящихся сей истинѣ, аще ожидавшему ихъ обращенія и раскаянія Господу не раскаяшася, Священному Писанію послѣдующе, и первенствующія Церкви преданія держашеся, отлучаемъ и анаематствуемъ».

Православіе апеллируетъ къ старымъ исконно христіанскимъ нормамъ и не указываетъ для себя особыхъ «символическихъ книгъ», потому что не имѣетъ ничего символически новаго въ догматическомъ отношеніи по сравненію съ эпохою до заключенія семи вселенскихъ соборовъ. Этимъ показывается, что православіе сохраняетъ и продолжастъ изначальное апостольское христіанство по непосредственному и непрерывному преемству. Въ историческомъ теченіи христіанства

по вселенной это есть центральный потокъ, идущій отъ самого «источника воды живой» и не уклоняющійся на всемъ своемъ протяженіи до скончанія міра. Здѣсь корень и объясненіе всѣхъ другихъ принципіальныхъ свойствъ православ'я. Если въ немъ исповѣдуются достоинство подлиннаго христіанства по соотвѣтствію своему оригиналу, то данное качество производится и обезпечивается тѣмъ, что всегда удерживается тѣснѣйшая неразрывность отъ послѣдняго—съ освобожденіемъ ему собственнаго дѣйствія, которое и образуетъ православіе въ его историческомъ бытіи. Исконное христіанство въ православіи почерпается, доставляется и гарантируется путемъ преемственнаго воспріятія, когда новое пріобрѣтаетъ авторитетъ христіанской изначальности, а она въ самой своей старинѣ обнаруживаетъ непрестанную обновляющую живительность. Матеріальное совершенство сочетается съ формальнымъ принципомъ традиціонной преемственности, которая способствуетъ тому, что историческое движеніе православ'я на всѣхъ стадіяхъ соприкасается со своимъ основоположительнымъ началомъ.

Итакъ,—по его внутреннему сознанію и убѣжденію,—православіе является подлиннымъ апостольскимъ христіанствомъ по прямому наслѣдованію, хотя бы въ опредѣленныхъ историческихъ формахъ, какихъ—въ духѣ своей эпохи и условій—не чужды были и первохристіанскія времена. Но по этой сторонѣ,—обезличиваясь совпаденіемъ съ первохристіанствомъ,—православіе, повидимому, не разнится отъ другихъ вѣроисповѣданій и нѣкоторыхъ новѣйшихъ научно-богословскихъ теченій, иногда даже явно раціоналистическихъ. Вѣдь католичество самымъ своимъ именемъ (отъ καθολικός) говоритъ о своемъ божественномъ универсализмѣ, свойственномъ Евангелію Христову. А протестантство мотивировалось при возникновеніи и гордится доселѣ собственно тѣмъ, что, усматривая въ католицизмѣ несомнѣнныя искаженія первоапостольскаго христіанства, хотѣло возвратиться именно къ послѣднему и устранить всѣ позднѣйшія наслоенія и побочныя уклоненія. По своей идеѣ протестантизмъ долженъ бы быть и представляться возстансвленіемъ изначальнаго, подлиннаго христіанства противъ католическихъ извращеній его. Къ тому же собственно направлялось и англиканство путемъ протестантскаго своего обновленія въ католичество, принципіально связавъ свою судьбу съ протестантизмомъ. И если не всѣми

✠

БИБЛИОТЕКА

17-9 3005
16.10.13

Підготовлено для онлайн бібліотеки Київської Духовної Академії і Семинарії
<http://Lib.kdais.kiev.ua>

англіканам признається успішність цієї спроби, то і у цих скептиків не втрачається однакова рухлива ціль, яка проникає їх критику і надихає прагнення. Нїть надобности розповсюдитися об' цьому, бо всьм відомо, як часто, гучно і енергично раздавалися в англійстві рїшительні заклики: «назад до Христа» (Back to Jesus!), хоча б і через трупу Апостола Павла (From Paul!). Протестантська наука давно і усердно культивує цю ідею, стараючись раціонально відшукати справжнє християнство і повернути до нього релігійну увагу, яку, наче б то, всюди омрачено туманом церковно-історических модифікацій і приращень.

Всюди проповідуються оновлення і відродження справжнього первохристиянства в його справжній сутності. Це по видимому вольно схоже до самоопреділення православія, але приховує глибоке різництво. Ничуть не для критики, звідси неумітно і нам всьм не любезно, а просто для ясності діла дозволимо собі нагадати, що протестантизм народився при активній допомозі наукового знання і потужно сприяло його грандіозному прогресу. Наукове західне богослов'є є породженням протестантизму і тому може служити для нього самою наочною характеристикою. І ось в цьому відношенні дуже важливо, що протестантська раціональна наука ні в сучасній церковності, ні в передісторическому церковно-історическому розвитку не знаходить більш або менше точних втілень первісного християнства. Воно, наче б то, втрачено і ніколи не мав адекватного вираження. В історическому процесі існують лише фрагментарні осколки з неповними і невизначеними відхиленнями справжніх християнських джерел. Перед нами лежать тільки роздроблені християнські матеріали, з яких треба відновити початкову цілість. Відомо, що для цього потрібна наукова раціональна творчість, щоб по туманним контурам через темні шари розглядати справжній лик Христа і намалювати його з реалістическою життєвістю. Для наших цільей ми отримуємо звідси, що звідси створюючим фактором буває науковий розум, діючий раціональним методом. І як далеко можна йти по цьому шляху,—ми добре знаємо по сумних уроках сучасної протестантської критики. В своїх крайніх формах вона не при-

ймає ні одного автентичного зображення Господа Ісуса Христа і все віддає таємничому безличному процесу поступового формування християнських традицій, збережених в новозавітних книгах. Особливі індивідуальності не грають тут конститутивної ролі і для діла зовсім не потрібні, а наука, як і життя, не терпить нічого зайвого. Але — вільно для продовження процесу—повинно бути не менше справедливим по відношенню до початку, що для нього зовсім мало потрібна індивідуальна складова, яку зараз прямо усувають сучасні «релігійно-історическі» знання від всякого участя в послідовному розвитку, де діють лише загальні закони поступового руху з диференціаціями, переплетеннями, новоутвореннями і т. п. В кінці кінців, при виникненні християнства виявляється повна порожнеча, де ні Христа, ні Павла, ні Апостолів.

Цей висновок, звичайно, всьм не загальноприйнятий в протестантській науці, але він зовсім не є чудовиськом, бо представляє тільки крайній випадок основних її принципів. Тоді для нас невідомо, що в них принципом християнської реставрації вважається якщо не пряма раціональність, то безумовно чиста раціональність. А при таких умовах для всьх ясно без всяких аргументів, що звідси ми маємо найбільш різкий контраст православію. Воно рїшительно і виключительно базується на традиційній преемственності безпосереднього відродження і всьцього збереження¹⁾. По православному самосвідомості, справжнє християнство догматически примусово само по собі, історически ж представляє ніщо фактически дане і

¹⁾ Звідси варто згадати слова відомого філософа—професора В. Н. Карпова († 1867, XII, 2), який по випадку п'ятидесятиліття С.-Петербурзької Духовної Академії свідчествував, що «она не відступила ні кроку від скарбниці богоуткровенного учення, що цю свідательницьку православної істини в продовження п'ятидесятилітнього свого існування не відсунути з місця ніякою силою ворожих ідей сумнівності або іновірності, але твердо стоїть на незвідному камені ісповіданя свого. І в сьогоднішній день [—вівторок 17 лютого 1859 г.—] Академія піднімає хоругву торжества не на ім'я прогреса, а навпаки—на ім'я невідступного свого перебування в недрах православної Церкви, на охорону апостольських і отчеських вирокувань». См. в збірник: П'ятидесятиліття С.-Петербурзької Духовної Академії (Слб 1859), стр. 36.

реально дѣйствующее именно въ православіи. Но искомымъ не можетъ быть налично существующее. Его нечего открывать, а надо только сохранять въ священномъ благоговѣніи, обязательномъ для того, что явлено свыше отъ Бога черезъ Сына въ Духъ Святомъ. Моментъ раціональности христіанства для православія бываетъ вторичнымъ, какъ разумное постиженіе и научное оправданіе факта, который можетъ быть неосилень для человѣческой ограниченности и по своей божественной сущности всегда останется для нея ирраціональнымъ (1 Кор. I, 18 слѣд. 27 сл. II, 11 сл., и мн. др.). Православіе исповѣдуетъ съ Апостоломъ Павломъ (2 Кор. IV, 13): *имуще той же духъ вѣры, по писанному* [Псал. СХV, 1]: *«вѣровахъ, тѣмъ же возлагалахъ»* (ἐπίστευσα, διὸ ἐλάλησα); *и мы вѣруемъ, тѣмъ же и глаголемъ* (καὶ ἡμεῖς πιστεύομεν, διὸ καὶ λαλοῦμεν). Православіе есть лишь провозглашеніе несконнаго христіанства—восприятіемъ его, а не обоснованіемъ,—вѣрою, а не разумомъ. Последній познаетъ именно вѣрой (Евр. XI, 3: *πίστει νοοῦμεν*) и въ самомъ раціональномъ постиженіи христіанства всецѣло подчиняется его фактическому верховенству, только стараясь осмыслить для себя своими недостаточными средствами.

Христіанство рисуется живою дѣйствительностію, независимою по бытію и свойствамъ отъ человѣческаго пониманія. Конечно, здѣсь тоже требуется доктринальная точность, но она создается дѣйствіемъ самого предмета и потому традиціонно передается вмѣстѣ съ нимъ самимъ. Отсюда очевидно, что для православія христіанство является не ученіемъ, а жизнью таинственнаго общенія съ Богомъ во Христѣ и благодатнаго обновленія отъ Духа Святаго въ цѣлокупномъ братствѣ вѣрующихъ, когда всѣ они единеніемъ вѣры съ Сыномъ Божиимъ усыновляются въ Немъ Отцу Небесному и затѣмъ естественно бываютъ по благодати братьями между собою. Вотъ почему въ православіи доминируютъ благодатныя таинства, обнимая все человѣческое существованіе по всѣмъ сторонамъ. Они тутъ не внѣшній символъ, не ритуальный аксессуаръ, устроаемый, расширяемый и сокращаемый по усмотрѣнію, а необходимая стихія самой живительности христіанства, обеспечиваемая іерархическимъ священствомъ по прямому преемству отъ Господа Спасителя.

Но безспорно, что къ жизни нельзя реально примкнуть теоретическимъ зачисленіемъ чрезъ простое раціональное ее признаніе. Обязательно присоединиться фактическимъ погру-

женіемъ въ нее, какъ общеніе отдѣлившагося ручейка восстанавливается лишь слияніемъ съ центральнымъ потокомъ. Православіе гарантируетъ себѣ подлинную изначальную христіанственность преемственнымъ восприятіемъ, обеспечивающимъ непрерывное теченіе, и ни для кого не допускаетъ возможности иныхъ путей и связей. Раціональная реституція подлиннаго христіанства принципиально неприемлема для православія, которое въ самомъ корнѣ не согласно съ подобными предпосылками. Въ нихъ христіанство представляется по преимуществу доктриной, если и божественной, то все-таки больше раціональной въ качествѣ особой религіозной концепціи, хотя бы даже «богооткровенной». Въ этомъ у него совершенная аналогія со всѣми другими религіозно-философскими школами и ученіями. А по отношенію къ нимъ всячески допустимо, что можно приходить къ сходнымъ выводамъ и созерцаніямъ воплію независимо, почему мыслимы, напр., пнеагорейцы по убѣжденіямъ, вовсе не знавшіе Пнеагора и его системы по изученію ихъ. Еще проще усвоить по книгамъ извѣстныя религіозно-философскія воззрѣнія и стать исповѣдникомъ ихъ, не будучи въ дѣйствительныхъ отношеніяхъ съ самими творцами. По существу такъ смотреть на христіанство и раціональный протестантизмъ и научный раціонализмъ, для которыхъ не было бы страннымъ принять за христіанина, напр., покойнаго Лихунчана, яко бы читавшаго Новый Завѣтъ, еслибы этотъ «китайскій Бисмаркъ» принялъ послѣдній, но ограничился теоретическимъ согласіемъ съ нимъ, не вступая въ фактическое единеніе ни съ одною христіанскою церковію.

Православіе безусловно отвергаетъ этотъ методъ и въ самой основѣ и въ смяченныхъ модификаціяхъ. Въ первомъ отношеніи предполагается, что какой-нибудь язычникъ, изучивъ новозавѣтныя книги, усвоилъ христіанскія истины и тѣмъ самымъ сдѣлался бы настоящимъ христіаниномъ:—это и неизбѣжно и нормально по раціоналистической логикѣ. Типомъ второго рода былъ бы такой случай, что та или иная еретическая община отвергнетъ свои заблужденія и даннымъ актомъ ео ipso возстановитъ свое истинно-христіанское достоинство. Подобное явленіе опять же вѣроятно по раціоналистическимъ взглядамъ и фактически достаточно иллюстрируется старокаатоличествомъ. Последнее, доказывая и свидѣтельствуя свою вѣрность догматамъ и канонамъ древней нераздѣльной Церкви семи вселенскихъ соборовъ, желаетъ и домогается отъ право-

славія прямого церковнаго признаія его помимо и вѣ при-
соединенія къ какой-нибудь изъ существующихъ православ-
ныхъ церквей. Предлагается и требуется не собственно воссо-
единеніе, какое было, напр., въ 1898 г. въ Россіи съ спро-
халдейскими несторіанами (айсорамі), присоединившимися въ
С.-Петербургѣ (25 марта) въ лицѣ своего главы покойнаго
епископа Супурганскаго Мар-Іоны, а лишь взаимообщеніе,
столь несоотвѣтственно практикуемое на Западѣ (во всякихъ
Intercommunion'ахъ). Доселѣ эти старокатолическія притязанія
не имѣли успѣха и вполнѣ справедливо встрѣчали рѣшитель-
ный отказъ. И со стороны православія здѣсь не было и нѣтъ
ни надменности, ни каприза, ибо это вызывается самымъ су-
ществомъ дѣла,—и старокатолики, добиваясь совсѣмъ иного
отношенія, обнаруживаютъ наглядно, что они пока не проникли
жизненно въ глубину православія и не срослись съ нимъ по
духу въ своемъ христіанскомъ настроеніи, которое продол-
жаетъ оставаться у нихъ рационально-западнымъ. Немыслимо
получить воду изъ недосягаемаго источника, не обратившись
къ текущей изъ него рѣкѣ, и безъ ея посредства нельзя войти
въ единеніе съ нимъ. Православіе есть благодатно-христіан-
ская жизнь,—и преимуществами послѣдней можно фактически
воспользоваться совсѣмъ не теоретическимъ познаніемъ или
отвлеченнымъ зачисленіемъ, а исключительно живымъ реаль-
нымъ союзомъ, когда къ ней сначала примыкають и потомъ
уже почерпають отсюда всѣ блага.

Необходимое бываетъ для всѣхъ равно обязательнымъ и
ни для кого не служить къ господству или уничиженію. Въ
этомъ отношеніи православіе предъявляетъ лишь свойственное
его природѣ, которою и опредѣляются его отношенія ко всѣмъ
христіанскимъ исповѣданіямъ. По прямой апостольской преем-
ственности оно представляется традиціонно-воспринятымъ и
неповрежденно-хранимымъ христіанствомъ въ его изначальной
жизненной цѣлостности. Конфессіональныя группы выдѣляютъ
въ ней частныя стороны и развиваютъ систематически, но по-
черпають свою силу именно въ производящемъ цѣломъ и
взаимно сближаются между собою чрезъ него. Православіе
ничуть не отрицаетъ у нихъ этой родственной связи съ собою
и потому вовсе не покушается на ихъ христіанское достоин-
ство. Его отличіе заключается не въ своеобразной обособлен-
ности, требующей приспособленія къ себѣ, а во всеобъемлю-
щемъ существѣ, по которому оно, будучи христіански боже-

жественнымъ и универсальнымъ, бываетъ католическимъ
(καθολικός) или вселенскимъ (οἰκουμενικός). По такимъ своимъ
качествамъ православіе не вытѣсняетъ другія исповѣданія, за-
хватывая у нихъ принадлежащія мѣста, но лишь срастворяетъ
ихъ въ себѣ постольку, поскольку наравнѣ съ ними само по-
глощается въ божественномъ океанѣ возрождающей, спасаю-
щей и животворяющей благодати Христовой. Посему право-
славіе, богатое подвигами апостольскаго миссіонерства, чуждо
прозелитической пропаганды и никогда не было энергично-
активнымъ на этомъ скользкомъ поприщѣ. Оно возвышалось
надъ другими исповѣданіями не по надменію для подчиненія
всѣхъ подъ ноги свои, а именно по присущему его природѣ
сознанію отношенія основного цѣлага къ производнымъ частямъ.
Православіе призываетъ къ единству съ собою лишь ради
своего единства со Христомъ въ преемственно сохраняемой,
неповрежденно содержимой и благодатно дѣйствующей истинѣ
божественной. И на его знамени сіяють одни эти святые
слова:

«Сія вѣра апостольская, сія вѣра отеческая,
сія вѣра православная, сія вѣра вселенную утверди!»

С.-Петербургъ.
1913, III, 3 (16)—1 е воскресенье Великаго
поста, „Недѣля Православія“.

